

Модестов В.И.

Лекция 30

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1317>]

[Публикация работы:]

Модестов В.И. 1873: Лекция 30 //

Лекции по истории римской литературы, читанные в университете Св. Владимира. Курс первый. От начала римской литературы до эпохи Августа. Киев, 433-448.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Л Е К Ц І Я 30-я.

СОДЕРЖАНІЕ ЛЕКЦІИ: Новый видъ драматической поэзіи, выработанный въ вѣкъ Цицерона—*Мимъ*. Отличительный характеръ Мима и отношеніе его къ *Ателланамъ*. Представители Мима въ Цицероново время: Д. Лаверій и Публій Сиръ. Сохранившіеся отрывки ихъ произведеній. Последующая судьба Мима. Безнравственность мимическихъ представленій.

Въ Цицероново время римская литература получила во всѣхъ своихъ родахъ и видахъ столь широкое развитіе, что намъ лишь въ самомъ концѣ обзора литературы этого періода приходится говорить о драматической поэзіи, которая играла первенствующую роль въ нашихъ обзорѣніяхъ предыдущихъ періодовъ художественной литературы. Высокое развитіе краснорѣчія, исторіи и другихъ видовъ прозы, имѣвшей своими главными представителями такихъ писателей, какъ Цицеронъ, Юлій Кесарь и Саллустій, появленіе первостепенныхъ талантовъ въ лирической и дидактической поэзіи, каковы Катулъ и Лукрецій, наконецъ, необыкновенное обиліе второстепенныхъ дѣятелей во многихъ отрасляхъ литературы, которыя не имѣютъ ничего общаго съ драматической поэзіей, все это естественно должно было отодвинуть въ нашихъ глазахъ эту послѣднюю на второй планъ, тѣмъ болѣе, что она по своему внутреннему значенію въ Цицероново время далеко уступала другимъ видамъ литературы, въ которыхъ наиболѣе выразился характеръ литературной жизни цицероновскаго времени.

Когда историкъ литературы заводитъ рѣчь о драматической поэзіи въ эпоху Цицерона, то не для того, чтобы говорить о трагедіи, развитіе которой въ римской литературѣ заключилось вполнѣ еще въ періодъ Пакувія и Аттія (см. стр. 179) и которая въ это время не

представляла ничего сколько-нибудь заслуживающаго вниманія, хотя и не было недостатка въ людяхъ, занимавшихся этимъ видомъ литературной дѣятельности (Кв. Цицеронъ, Кассій Пармскій, Ю. Кесарь); равнымъ образомъ и не для того, чтобы разсуждать о подражательной комедіи *плаща* или національной комедіи *тоги* — та и другая заключили свое развитіе въ предшествовавшіе періоды; даже и не для того, чтобы продолжать бесѣду объ *Ателланахъ*, чрезъ разработку которыхъ римская комедія сдѣлала новый шагъ въ національномъ направленіи: нѣтъ, въ разсматриваемый нами періодъ драматической поэзіи возможна рѣчь лишь о томъ видѣ римской комедіи, который подъ именемъ *Мима* овладѣлъ римской сценой въ концѣ республики и получилъ столь же удачную литературную обработку, какой подверглись въ предшествоующій періодъ согнанныя теперь имъ со сцены Ателланы.

Слово *мимъ*, *mimus*, какъ это видно съ перваго раза, есть греческое (*μῦθος*, *μῖμος*, *μῖμος*) и этимологически означаетъ *подражаніе*. Сообразно съ этимъ значеніемъ слова, Діомедъ (III, р. 487 ed P.) такъ опредѣляетъ мимъ, какъ родъ представленія: «мимъ есть подражаніе всякой рѣчи и движенію безъ стыда или неприличнымъ дѣйствіямъ, соединенное съ сладострастіемъ». Цѣль этого воспроизведенія словъ и неприличныхъ дѣйствій заключается, какъ объясняютъ древніе (Quint. VI, 3, 8; Jo. Lydus I, 41) въ томъ, чтобы вызвать смѣхъ въ публикѣ. Но мимами какъ у Грековъ, такъ и у Римлянъ назывались не только эти карикатурныя воспроизведенія смѣшныхъ явленій жизни, но и сами лица, занимавшіяся такого рода воспроизведеніями. Нѣтъ нужды приводить вамъ доказательства въ пользу того, что люди, занимавшіеся этимъ ремесломъ въ Римѣ, не составляютъ исключительной принадлежности древнихъ классическихъ народовъ, а существуютъ у всякаго народа въ видѣ балаганныхъ шутовъ, паясниковъ, плясунъ и т. п. Понятно, что и въ Римѣ они появились не въ концѣ республики, а составляли исконное явленіе народной жизни, происхожденіе котораго, конечно, было бы странно выводить изъ Греціи или изъ греческихъ колоній Италіи лишь потому, что позднѣйшее названіе ихъ было греческое. Какъ народныя сценическія представленія, мимы существовали издавна, хотя положительныя указанія на это не заходятъ дальше 542 (212) или 543 (211) гг., къ которымъ Фестъ (ed. M. р. 326) приурочиваетъ извѣстіе о мимѣ, плясавшемъ подъ звуки флейты въ театрѣ во время игръ Аполлона, о *libertinus mimus magno natu, qui*

ad tibicinem saltaret. Латинское названіе мимовъ, какъ актеровъ, было *bosoonie, planipedes*, и подъ этимъ именемъ мы встрѣчаемъ пляшущаго для удовольствія публики мима въ одномъ отрывкѣ извѣстнаго комика Атты (см. стр. 230), гдѣ говорится: *Daturin estis aurum? Exultat planipes* (Дадите-ль золота? Пляшетъ босопогій). Атта принадлежитъ своею литературною дѣятельностью къ половинѣ 7-го столѣтія Рима. Извѣстно также, что около этого времени трагикъ Аттій имѣлъ процессъ съ мимомъ, который назвалъ его на сценѣ по имени (*Auct. ad Heren. I, 14; II, 13*). Изъ Плутарха (*Sull. 2 и 36*) мы знаемъ объ *архимимѣ*, т. е. о главѣ труппы мимовъ, Сориѣ (*Σώριξ*), бывшемъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Суллѣ. Изъ Плинія (*N. H. VII, 49*) мы знаемъ о выступленіи на сцену одной мимы, относящемся къ 672 (82). Однимъ словомъ мы видимъ ко времени Суллы вполнѣ сформировавшимся искусство мимовъ, которое мало по малу получило извѣстное право гражданства на римской сценѣ въ качествѣ дивертиссента и уже обладало персоналомъ, въ составѣ котораго мы встрѣчаемъ и главнаго и второстепенныхъ актёровъ и даже женщинъ — явленіе, совершенно новое въ исторіи римскаго театра. Подробности объ этомъ см. у *Гризара* (*Grysar*) въ статьѣ его *о римскомъ мимѣ* (*Der römische Mimus*), помѣщенной въ *Sitzungsberichte* философско-историческаго отдѣленія вѣнской академіи наукъ 1854 (т. XII).

Въ свое время мы говорили о томъ, какъ изъ импровизированныхъ фарсовъ, представлявшихся на римской сценѣ въ заключеніе спектакля вмѣсто дивертиссента, Ателланы, народная римская комедія съ характерными осскими маскамъ, сдѣлались вполнѣ литературнымъ видомъ латинской комедіи и заняли на римской сценѣ важное мѣсто — въ родѣ того, какое принадлежитъ въ наше время водевилю, безъ котораго обыкновенно не обходится у насъ ни одно драматическое представленіе. Это значеніе Ателланы приобрѣли въ началѣ второй половины 7-го столѣтія города, т. е. за сто лѣтъ до Р. Х., когда, уроженецъ Болоньи, Помпоній приступилъ къ ихъ литературной обработкѣ и представилъ цѣлый рядъ пьесъ, которыя, удерживая прежнее названіе и основной характеръ Ателланъ, какъ драматическихъ представленій съ неизмѣнными характерными масками, были въ сущности по своему содержанію такими же римскими комедіями въ національномъ духѣ, какими до того времени были комедіи *тоги*. Вслѣдъ за Помпоніемъ выступилъ Новій, который успѣлъ также написать цѣлые

десятки пьесъ въ этомъ родѣ, и вотъ такимъ образомъ образовался новый видъ литературной римской комедіи подъ названіемъ Ателланъ. Какъ велико было литературное развитіе этой комедіи, можно судить по тому, что намъ извѣстны заглавія *ста одиннадцати* Ателланъ, принадлежащихъ лишь перу Помпонія и Новія. Наибольшій расцвѣтъ этой комедіи совпадаетъ со временемъ юности Цицерона и могущества Суллы, который, по видимому, и самъ занимался составленіемъ подобныхъ комедій (Ath. VI, 261).

Что случилось съ Ателланой во второй половинѣ 7-го столѣтія Рима, то произошло въ началѣ слѣдующаго столѣтія съ мимомъ. Карикатурное, шутовское, исполненное циническихъ жестовъ и пляски представленіе, которому даже не давалось въ театрѣ мѣста, назначеннаго собственно для драматическихъ представлений, а удѣлялась лишь перенная часть сцены (podium, pulpitum, proscaenium), вдругъ является въ это время въ полномъ литературномъ развитіи и вытѣсняетъ со сцены Ателлану, еще такъ недавно бывшую любимницею публики. Даже въ самомъ концѣ 7-го столѣтія (въ 690) мы видимъ эту послѣднюю, какъ еще обычный дивертисментъ, exodium, дававшійся въ заключеніе трагедій (Cic. ad fam. VII, 1), но въ началѣ 8-го уже этого не существуетъ: обычнымъ дивертисментомъ дѣлается мимъ, а не Ателлана, которая видимо, вышла изъ моды. Въ 708 (46) Цицеронъ, отвѣчая Пампирію Пету (ad fam. IX, 16), который, въ письмѣ своемъ къ нему, къ разсужденію объ *Эиманъ*, трагедіи Аттія, прибавилъ еще нѣсколько шутокъ, говоритъ: «Теперь я приступаю къ твоимъ шуткамъ, такъ какъ ты по *Эномая* Аттія представилъ не Ателлану, какъ это прежде былъ обычай (ut olim solebat), но, какъ это теперь дѣлается, мимъ. Этой столь быстрой и рѣшительной побѣдой мима надъ Ателланой римское общество обязано было двумъ замѣчательнымъ комическимъ писателямъ: *Дециму Лаберию* и *Публицію Сиру*, которые своей талантой обрѣзкой мимическихъ сюжетовъ возвели мимъ на степень литературной комедіи и умѣли такъ приспособить его къ испорченному вкусу утонченно-развращенной публики, что она охотно оставила уморительную комедію характерныхъ масокъ и всю свою симпатію перенесла на новый, болѣе пикантный и тоньше-нескромный видъ комедіи, въ которой въ добавокъ ко всему участвовали и женщины, иногда совершенно обнаженныя. Покровительство этому новому фарсу, явно оказываемое всемогущимъ диктаторомъ, Кесаремъ, могло только усилить

расположеніе къ нему публички и такимъ образомъ театральный переворотъ совершился.

Жизнь творца литературнаго мима, *Децима Лаберія*, дѣлается намъ вполне известною лишь съ шестидесятилѣтняго возраста, когда онъ, римскій всадникъ, былъ заставленъ Кесаремъ, обѣщавшимъ ему 500,000 сестерцій въ награду и золотое кольцо въ знакъ возвращенія ему всадническаго званія, выйти на сцену и состязаться съ другимъ мимомъ, *Публиемъ Сиромъ* (Сирийцемъ). Это было въ 709 (45) г., когда Кесарь, возвратившись изъ Испаніи, давалъ всевозможныя увеселенія самодержавному римскому народу. Обстоятельства этого печальнаго столкновенія Кесаря съ Лаберіемъ намъ изъяснены не только другими писателями, какъ Светоніемъ (Caes. 39) и Макробіемъ (Satur. II, 7, 2), но и самимъ Лаберіемъ въ прекрасномъ прологѣ, въ которомъ онъ трогательными чертами изобразилъ свое положеніе, въ какое поставила его, римскаго всадника, воля всемогнутаго диктатора. Я постараюсь передать вамъ этотъ замѣчательный прологъ въ возможно-точномъ переводѣ:

Судьба, противнаго теченія которой
Хотѣли многіе избѣгнуть, а могли немногіе,
Куда меня низвергла на закатѣ дней моихъ!
Меня, котораго ни просьбы, ни подарки не могли
Ни страхъ, ни принужденіе, ни власть какабы ни было,
Въ дни юности поколебать въ своемъ рѣшеніи, —
Вотъ какъ легко поколебала въ старости
Рѣчь мужа славнаго, которую ко мнѣ направилъ онъ,
Проя меня привѣтливо, ласкательно!
Кому и боги не могли ни въ чемъ отказывать,
Возможно-ль, чтобъ я, человекъ, отказывалъ?
Итакъ, проживши безпорочно дважды тридцать лѣтъ
И вышедши изъ дому римскимъ всадникомъ,
Домой я долженъ воротиться мимомъ! Въ этотъ день,
Въ одинъ день боляще предпять я, чѣмъ мнѣ осталось жить!
Судьба, ты, что границы не знаешь въ счастья и въ несчастіи,
Коли тебѣ угодно было славу сокрушить мою,
Которая цвѣла въ моихъ занятіяхъ поэзіей,
Зачѣмъ, когда я въ славахъ былъ и гибокъ членами,

Когда я могъ народу угождать и мужу столь великому,
 Меня тогда ты не нагнула, чтобъ сорвать свой плодъ?
 Куда теперь меня ты низвергаешь? Чтò же въ силахъ я
 На сцену принести? Красивый видъ или осанку гордую,
 Геройство духа или звукъ пріятный голоса?
 Какъ плющъ ползучій силы дерево лишаетъ,
 Меня объятъемъ лѣтъ такъ старость умерщвляетъ:
 Я, какъ гробница, имя лишь пустое сохраняю¹⁾.

Этотъ прологъ, открывающій намъ столь интересную черту изъ римской исторіи послѣдняго времени республики, служить для насъ въ то же время исходнымъ пунктомъ при разсужденіи о личности Лаберія. Прежде всего мы отсюда узнаемъ, что ему въ 709 (45) было шестьдесятъ лѣтъ отъ роду и что, слѣдовательно, онъ родился, если принимать это обозначеніе шестидесятилѣтняго возраста (*bis tricenis annis actis*) въ буквальный смыслъ, въ 649 (105). Далѣе мы видимъ изъ словъ Лаберія, что литературная слава его началась еще въ годы юности и что, слѣдовательно, только случайность, именно самовластная выходка противъ него диктатора, заставляетъ насъ приурочивать моментъ его литературнаго значенія къ концу перваго десятилѣтія 8-го вѣка Рима. Далѣе, съ этимъ прологомъ связанъ фактъ состязанія Лаберія съ возникшимъ въ то время ему сильнымъ соперникомъ въ лицѣ

¹⁾ *Necessitas, cujus cursus transversus inpetum
 Voluerunt multi effugere, pauci potuerunt,
 Quo me detrusit paene extremis sensibus!
 Quem nulla ambitio, nulla unquam largitio,
 Nullus timor, vis nulla, nulla auctoritas
 Movere potuit in juvenia de statu:
 Ecce in senecta ut facile labefecit loco
 Viri excellentis mente clemente edita
 Summissa placide blandiloquens oratio!
 Etenim ipsi di negare cui nil potuerunt,
 Hominem me denegare quis posset pati?
 Ego bis tricenis annis actis sine nota
 Eques Romanus e Lare egressus meo
 Domum revertar mimus. Nimirum hoc die
 Uno plus vixi, mihi quam vivendum fuit,*

Публилія Сира, который, какъ передають древніе писатели, и одержалъ надъ нимъ побѣду. Кесарь, говоритъ Макробій, улыбаясь сказалъ: *не смотря на мое покровительство ты, Лаберій, побѣжденъ Сиромъ* и тотчасъ далъ Публилію пальму, а Лаберію золотое кольцо и 500,000 сестерцій* (25,000 руб. сер.). Съ этой исторіей принужденнаго выхода Лаберія на сцену связано еще нѣсколько замѣтокъ въ древней литературѣ, которыхъ нельзя не передать вамъ. Такъ риторъ Сенека (Controv. III, 18), а за нимъ и Макробій (Sat. VII, 3) рассказываютъ такой случай. Когда Лаберій, окончивши свое состязаніе съ Сиромъ, съ золотымъ кольцомъ на рукѣ отправился еще до окончанія спектакля со сцены въ четырнадцать рядамъ мѣстъ, гдѣ сидѣли всадники, чтобы занять между ними свое мѣсто, и когда всадники не желали его пустить въ себѣ, дѣлая видъ, что и безъ того тѣсно сидѣть, то Цицеронъ, возлѣ котораго Лаберій хотѣлъ сѣсть, замѣтилъ ему: *»Я далъ - бы тебѣ мѣсто, еслибъ мнѣ не было тѣсно сидѣть»* (recepissem te, nisi anguste sederem). Лаберій, съ свойственнымъ ему остроуміемъ, намекая на нѣсколько двуличный характеръ Цицерона, отвѣчалъ на это слѣдующее: *»Но вѣдь ты обыкновенно сидишь на двухъ стульяхъ»* (atqui soles duabus sellis sedere). Очень охотно древніе передають также то обстоятельство, что Лаберій не оставилъ и Кесаря безъ наказанія за его деспотическую выходку. Въ самомъ мимѣ, который былъ имъ поставленъ на сцену для состязанія съ Сиромъ, онъ, играя роль раба, по имени Сира и будучи наказываемъ въ этой роли плетью, вдругъ воскликнулъ: *»Эй, Квириты, мы теряемъ свободу»*.

Fortuna immoderata in bono aequè atque in malo,
 Si tibi erat libitum, litterarum laudibus
 Florens cacumen nostrae famae frangere,
 Cur cum vigebam membris praeviridantibus,
 Satis facere populo et tali cum poteram viro,
 Non me flexibilem concurvasti, ut carperes?
 Nuncine me deicis? Quo? Quid ad scenam adfero?
 Decorem formae an dignitatem corporis?
 Animi virtutem an vocis jocundae sonum?
 Ut hederæ serpens vires arboreas necat,
 Ita me vetustas amplexu annorum enecat:
 Sepulcri similis nil nisi nomen retineo.

Ribb. Com. lat. reliqu. p. 251.

Porro, Quirites, libertatem perdimus;

а нѣсколько далѣе прибавилъ: »Необходимо долженъ бояться немногихъ тотъ, кого боялся многіе«

Necesse est multos timeat, quem multi timent ¹⁾).

Наконецъ Макробій (II, 7) сообщаетъ еще слѣдующее обстоятельство. Когда состязаніе было рѣшено въ пользу Сира, то этотъ послѣдній обратился къ Лаберію съ просьбой не оставить своей поддержкой въ качествѣ зрителя того, съ кѣмъ онъ только что состязался въ качествѣ сочинителя; на что Лаберій затѣмъ отвѣчалъ слѣдующими прекрасными стихами:

Не могутъ всѣ всегда быть первыми.

Когда дойдешь до верхней ты ступени знаменитости,

Держаться трудно, и падешь скорѣй мгновенія.

Паль я, за мной падеть другой: почеть для всѣхъ открыть ²⁾).

Вотъ почти всѣ данныя, оставленныя намъ древними писателями для біографіи Лаберія. Единственное, что вамъ остается упомянуть, это сообщаемый Макробіемъ (Sat. II, 6) отвѣтъ его извѣстному трибуну и демагогу Клодію, разсердившемуся на то, что Лаберій не хотѣлъ доставить ему мима для представленія: »Можешь-ли ты мнѣ сдѣлать что-нибудь больше того, что я долженъ буду пойти въ Диррахій и воротиться оттуда?« Отвѣтомъ этимъ, какъ вамъ понятно, Лаберій мѣтилъ на то, чтобы кольнуть Клодія неудачнымъ исходомъ его борьбы съ Цицерономъ, который былъ по его интригамъ изгнанъ изъ отечества, но вскорѣ приглашенъ былъ народомъ въ Римъ и встрѣченъ съ необыкновеннымъ триумфомъ (см. стр. 285). Умеръ Лаберій, по свидѣтельству Геронима (ad Eus. Chr. ol. 184, 2), на десятомъ мѣсяцѣ по смерти Ю. Кесаря, т. е. въ самомъ началѣ 711 (43) года, въ Пуццолі (древ. Puteoli).

¹⁾ Sen. de ira II, 11, 3; Macrobi. Sat. II, 7; Gell. VIII, 15. У Риббеки Comic. lat. rel. p. 253.

²⁾ Non possunt primi esse omnes omni in tempore.
Summum ad gradum cum claritatis veneris,
Consistes aegre, nictu citius decidas.
Cecidi ego, cadet qui sequitur: laus est publica.

Ribb. ibid.

До насъ дошло болѣе сорока заглавій его мимовъ съ очень маловажными отрывками. Тѣ отрывки, которые я вамъ привелъ уже, принадлежать къ самымъ длиннымъ, но не извѣстно, какимъ они принадлежать мимамъ. Сохранившіеся заглавія пьесъ Лаберія показываютъ, что содержаніе ихъ онъ заимствовалъ изъ того же самаго міра, откуда брали его Ателланы и еще раньше многія пьесы комедіи тоги, особенно принадлежавшія къ разряду *fabula tabernaria*. Это — быть ремесленниковъ, какъ валяльщики суковъ, красильщики, рыбаки, веревочники, это — сцены народныхъ празднествъ, какъ Сатурналіи, Компиталии, Парилии, празнество въ честь Анны Перепны, это — картины соблазнительныхъ нравовъ жизни на водахъ, сцены изъ жизни публичныхъ женщинъ, всякаго рода безстыдства въ жизни семейной и т. п. Иногда пьесы называются именами инородцевъ, какъ *Галлы*, *Туска*, *Критяне*, иногда именами животныхъ, какъ *Баранъ*, *Быкъ*, *Ракъ*, иногда даже отвлеченными именами, какъ *Бѣдность*. Но какъ-бы эти пьесы ни назывались, содержаніемъ ихъ обыкновенно служили картины безстыдства и разврата, которыя составляли специальную особенность мимовъ, какъ извѣстнаго рода драматическихъ представленій. Какъ ни ничтожны сохранившіеся отрывки мимовъ Лаберія, но и они изобилуютъ выраженіями самаго циническаго свойства. Можно однако между этими отрывками найти и такіе, которые я смѣло могу предложить вашему вниманію. Таковъ напр. сообщаемый намъ Гелліемъ (X, 17) отрывокъ изъ мима *Restio* (Веревочникъ), гдѣ скупой, соболѣзнуя о томъ, что его состояніе достается расточительному сыну, говорить слѣдующее:

Философъ-физикъ, родомъ изъ Абдеры, Демокритъ
 Поставилъ щитъ насупротивъ восхода солнца,
 Чтобъ блескомъ мѣди выколотъ глаза себѣ.
 За тѣмъ исторгнулъ онъ лучами солнца зрѣніе,
 Чтобы дурныхъ не видѣть гражданъ въ благоденствіи.
 Такъ точно я хочу, чтобъ блескъ моего золота
 Лишилъ меня въ концѣ моихъ дней зрѣнія,
 Чтобъ невидать мнѣ негодяя сына въ счастіи ¹⁾.

¹⁾ Democritus Abderites physicus philosophus
 Clipeum constituit contra exortum Hyperionis,
 Oculos effodere ut posset splendore aereo.
 Ita radiis solis aciem effodit luminis,

Въ мимѣ *Paupertas* (Бѣдность) говорится:

Нѣтъ нужды, носишь-ли ты платье мягкое
Изъ шерсти Аттики, или изъ козья волоса ¹⁾).

Изъ пьесы *Virgo* (Дѣвственница) Ноній приводитъ слѣдующій стихъ:

Упалъ я отъ любви, какъ тараканъ въ лохань ²⁾).

Изъ пьесы *Alexandrea* Геллій (XVI, 7) приводитъ такой забавный стихъ:

Что такое клятва? пластырь противъ долга ³⁾).

Въ приведенныхъ отрывкахъ нельзя не замѣтить несомнѣннаго комическаго таланта Лаберія, который умѣетъ сказать всегда кстати бойкое слово и вездѣ блестить остроуміемъ. Къ тому же, на всѣхъ сохранившихся отрывкахъ лежитъ печать литературной ловкости и весьма обработаннаго языка. Только такой писатель и могъ возвести мимъ на степень особаго литературнаго вида комедіи и заставить изящную публику предпочесть ему Ателланы, которымъ, при живости ихъ юмора, не доставало той развязной бойкости и того свѣтскаго лоска, какихъ требуетъ столичная публика отъ всего, что имѣетъ въ виду доставить ей легкое удовольствіе. Ателланы съ своими чудовищными и уморительными масками также точно не могли удовлетворять вкусу утонченной публики, какъ балаганныя представленія ни въ какомъ случаѣ не могутъ заинтересовать нашу изящную публику. Мимы явились для этой публики тѣмъ самымъ, чѣмъ въ наше время утонченно-циническія

Malis bene esse ne videret civibus.
Sic ego fulgentis splendorem pecuniae
Volo elucificare exitum aetati meae,
Ne in re bona esse videam nequam filium.

Ribb. Com. p. 247.

- ¹⁾ Nil refert, mollem e lanitia Attica
An pectore ex hircorum * vestitum geras.
Ribb. Com. p. 246.

- ²⁾ Amore cecidi, tanquam blatta in pelvim.
Ribb. Com. p. 250. Въ изданіи *Кишра* p. 634 (*Мерсъ* p. 543).

- ³⁾ Quid est iusjurandum? emplastrum aeris alieni.
Ribb. Com. p. 237.

* У *Кишра* въ изданіи Нонія (p. 229) читается такъ: An ex hircino pectore и т. д.

оперетки Оффенбаха. Лаберій, это — Оффенбахъ древняго Рима. Само собою разумѣется, что цѣнить его произведеній не могли люди строгіе, какъ Цицеронъ, который выражается о мимахъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ (de orat. II, 59 и 60; Ep. ad fam. XII, 18); а литературные критики слѣдующаго поколѣнія отказывались признавать за ними и названіе поэтическихъ произведеній (Hor. Sat. I, 10, 6): тѣмъ не менѣе неоспоримо, что Лаберій, какъ создатель новаго вида національной комедіи, занимаетъ важное мѣсто въ литературѣ. Грамматики позднѣйшаго времени, которымъ не было большого дѣла до вопросовъ о художественности и морали, обращали особенное вниманіе на его смѣлое словообразованіе, на употребленіе архаизмовъ и выраженій простонародной рѣчи. Геллія ставятъ въ тупикъ (XVI, 7) такіа смѣлыя по образованію слова Лаберія, какъ mendicimonium, moechimonium, adulterio и adulteritas вм. adulterium, depudicavit вм. stupravit, abluvium вм. diluvium, mannatus est вм. furatus est, manuarius вм. fur, или такіа выраженія простонароднаго языка, какъ eutriare lintea, coicior in fullonicam, malas malaxavi и т. п. Ноній обращаетъ вниманіе на такіа вольныя слова, какъ adolescenturire, deleritas (у Кипра deliritas) и т. п. Тертуліанъ (de pall. 1) приводитъ нѣсколько словъ, показывающихъ съ какою смѣlostью Лаберій образовывалъ сложные слова, къ составленію которыхъ латинскій языкъ былъ всего менѣе способенъ, каковы reciprocornis, laniculis, testitrahus.

О современникѣ и соперникѣ Лаберія *Публимій Сиръ* мы имѣемъ также очень мало біографическихъ свѣдѣній. Извѣстно, что онъ еще въ дѣтствѣ привезенъ былъ въ Римъ въ качествѣ раба изъ Сиріи (Plin. N. H. XXXV, 17, 58; Macr. Sat. II, 7), понравился своему господину за свое остроуміе и благообразіе, былъ имъ за это отпущенъ на волю, тщательно воспитанъ; выросши, сталъ слагать мимы и представлять ихъ по разнымъ городамъ Италіи, скоро вошелъ въ извѣстность и получилъ даже, какъ мы видѣли, пальму первенства надъ Лаберіемъ (Macr. ibid.), по смерти котораго совершенно завладѣлъ сценой, какъ сообщаетъ Іеронимъ въ указанномъ мѣстѣ (стр. 440). Родовое имя его *Публимій* окончательно утверждено за нимъ вмѣсто прежняго *Публия* швейцарскимъ ученымъ Эд. Вѣльфлингомъ (Wölfflin) въ замѣчательной статьѣ его »Der Mimograph Publilius Syrus« (въ Philologus 1865 p. 437 слѣд.), которую слѣдуетъ рекомендовать, какъ капитальный трудъ, относительно всѣхъ вопросовъ, касающихся этого представителя римской литературы. Что

же касается до придаваемого ему Плинием прозвища *Lochius*, читаемого О. Яномъ *Antiochius*, то на этотъ счетъ наука еще не можетъ произнести окончательнаго слова.

Литературная дѣятельность Публилія Сира извѣстна намъ еще менѣе, чѣмъ его біографія. До насъ не дошло ни одного заглавія его мимовъ, на которое можно-бы было указать положительнымъ образомъ. Приводимыя *Риббекомъ* (*Comis*, p. 258) два заглавія — одно изъ Присціана, а другое изъ Нодія — крайне сомнительны. Мнѣ кажется, *Веллблунгъ* совершенно правъ, когда говоритъ, что Сиръ приобрѣлъ столь громкую извѣстность не столько какъ писатель, сколько какъ замѣчательный актёръ, обладавшій необыкновеннымъ даромъ импровизаціи, который составлялъ, какъ бы природное свойство сирійскаго племени. Этимъ талантомъ актёра, одареннаго къ тому же даромъ рѣдкой импровизаціи, и объясняется побѣда его надъ Лаберіемъ, который, никогда не исправлявши обязанности актёра, естественно долженъ былъ уступить сопернику на этомъ, столь знакомомъ ему, полѣ. *Веллблунгъ* полагаетъ, что мимы Сира, не имѣя значенія литературныхъ произведеній, не распространялись посредствомъ книжной торговли. Это обстоятельство совершенно согласно съ тѣмъ, что писатели, какъ риторъ Сенека (*Cont.* III, 18), философъ Сенека (*Ep.* 108; 94; 8) цитуютъ его напамять, но театральнымъ воспоминаніямъ. Приводимые Петроніемъ (*Sat.* 55) два отрывка изъ Публилія Сира во всякомъ случаѣ сомнительнаго происхожденія, хотя, какъ доказываетъ *Веллблунгъ* (p. 447), не заключаютъ въ себѣ ничего, что не шло-бы къ современнику Сира.

Пьесы Сира отличались особеннымъ обиліемъ изреченій (*sententiae*), которыя въ очень раннее время (вѣроятно еще въ 1-мъ вѣкѣ по Р. X.) были собраны въ отдѣльный сборникъ и, какъ сокровище практической мудрости, вѣроятно, служили воспитательной книгой, на сколько это можно заключить изъ словъ Сенеки (*Ep.* 33) о томъ, что въ его время давались дѣтямъ изреченія для выучиванія наизусть (*pueris sententias ediscendas damus*). Сборникъ этихъ изреченій Публилія Сира былъ извѣстенъ еще Геллію, который (XVII, 14) отзывается о нихъ весьма лестнымъ образомъ (*Hujus Publii sententiae feruntur plenaeque lepidae et ad communiem sermōnem usum commendatissimae*) и приводитъ для примѣра счетомъ *четырнадцать*, которая потомъ повторяетъ за нимъ и Макробій (II, 7). Вотъ нѣкоторые изъ рекомендуемыхъ Гелліемъ сентенцій:

Дурной совѣтъ, который измѣнить нельзя ¹⁾.
 Помогъ тотъ самъ себѣ, кто далъ достойному ²⁾.
 Сноси, не обвиняй того, что измѣнить нельзя ³⁾.
 Наслѣдникъ плачетъ, это смѣхъ подъ маскою ⁴⁾.
 Имѣя друга, помни, что онъ можетъ стать врагомъ тебѣ ⁵⁾.
 Въ чрезмѣрномъ спорѣ истина теряется ⁶⁾.

Риторъ Сенека (Contg. III, 18) цитуетъ слѣдующія сентенціи Сира:

Есть-ли у скупого, нѣтъ-ли, онъ равно бѣднякъ ⁷⁾.
 У роскоши во многомъ недостатокъ, но во всемъ у скупости ⁸⁾.

Не мало приводитъ ихъ также философъ Сенека, которому эти краткія сентенціи были, какъ нельзя болѣе, по душѣ и который даже ввелъ въ моду между своими современниками манеру писать сентенціями. Вотъ нѣкоторыя изъ приводимыхъ имъ изреченій Публилія Сира:

Все то не наше, что приходитъ по желанію ⁹⁾.
 Скупой не добръ во всякому, всего же хуже для себя ¹⁰⁾.
 Что съ кѣмъ-нибудь могло случиться, то со всякимъ можетъ быть ¹¹⁾.

До насъ дошло весьма значительное собраніе такого рода изреченій, которыя однако далеко не всѣ принадлежать Публилію Сиру, но перемѣшаны съ большимъ количествомъ подобныхъ же сентенцій, частію заимствованныхъ изъ другихъ писателей, а частію прибавленныхъ въ средніе вѣка и носящихъ заглавіе: *Proverbia Senecae*. По

¹⁾ *Malum consilium, quod mutari non potest.*

²⁾ *Beneficium dando accepit, qui digno dedit.*

³⁾ *Feras, non culpes, quod mutari non potest.*

⁴⁾ *Heredis fletus sub persona risus est.*

⁵⁾ *Ita amicum habeas, posse ut facile fieri hunc inimicum putes.*

⁶⁾ *Nimium altercando veritas amittitur.*

⁷⁾ *Tam deest avaro quod habet, quam quod non habet.*

⁸⁾ *Desunt luxuriae multa, avaritiae omnia.*

⁹⁾ *Alienum est omne, quicquid optando evenit.*

Sen. Ep. 8.

¹⁰⁾ *In nullum avarus bonus est, in se pessimus.*

Sen. Ep. 108.

¹¹⁾ *Cuius potest accidere, quod cuiquam potest.*

Sen. De tranqu. anim. 11; Consol. ad Marc. 9.

изслѣдованіямъ *Вельфлина* число подлинныхъ изреченій Сира превышаетъ число 650 (*Philol.* 1865, р. 449). *Риббекъ* въ своемъ изданіи отрывковъ римскихъ комиковъ приводитъ 545 подлинныхъ, по его мнѣнію, изреченій Сира; затѣмъ приводитъ 269 сомнительныхъ (*minus probatae*) и наконецъ 43 изреченія, какъ сохранившіяся въ одномъ цюрихскомъ спискѣ. Но здѣсь мы должны оговориться, что трудъ *Риббека*, на который мы постоянно ссылались, приводя отрывки римскихъ комиковъ, по отношенію къ изреченіямъ Сира оказывается весьма несостоятельнымъ. *Риббекъ* не озаботился ни новымъ сличеніемъ *фрейзингенскаго* списка, ни ближайшимъ знакомствомъ съ цитатами этихъ изреченій у средневѣковыхъ писателей, упустилъ совсѣмъ изъ виду старинныя изданія *Панталеона* (1544 г.), *Ингольштадтское* (1603 г.) и *Грутера*, приписалъ *Скалперу* различныя измѣненія и прибавленія, сдѣлавныя *Питу* и т. п. (*Вельфлинъ*, *Philol.* 1865, р. 437). Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ въ настоящее время значительное собраніе изреченій, которыя—кстати сказать—расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Главный списокъ, въ какомъ дошли до насъ изреченія Сира, есть *фрейзингенскій*, находящійся въ мюнхенской библіотекѣ (№ 6292). Онъ принадлежитъ 10-му или 11-му столѣтію и отличается отъ другихъ старѣйшихъ списковъ (нѣсколько *парижскихъ* отъ 8-го до 10-го ст., *цюрихскій* 9-го ст., *базельскій* 10 ст.) тѣмъ, что содержитъ въ себѣ изреченія на всѣ буквы алфавита, тогда какъ эти послѣдніе заключаютъ въ себѣ сентенціи Сира и вообще стихотворныя сентенціи лишь подъ буквами отъ А до N, а начиная съ N представляютъ около 150 прозаическихъ сентенцій, ложно приписываемыхъ *Сенека*. Что касается до позднѣйшихъ списковъ (14 и 15 ст.), то въ нихъ примѣсь чуждыхъ *Сир*у сентенцій приняла огромныя размѣры, что отразилось и на печатныхъ изданіяхъ. Первое изъ нихъ сдѣлано *Эразмомъ* въ 1515. За нимъ слѣдовали изданія *Панталеона*, *Ингольштадтское*, *Грутера* и др. Въ напемъ столѣтіи извѣстны изданія *Орелли* (Лейпц., 1822), *Ботэ* въ его извѣстномъ вамъ (стр. 101) собраніи отрывковъ римскихъ комиковъ, *Целля* (Штутг., 1829) и нѣкоторыхъ другихъ издателей, мало или ничего не сдѣлавшихъ въ критическомъ отношеніи. Значительный шагъ впередъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ *Риббеку*, но честь возстановленія изреченій *Публилія Сира* досталась *Вельфлину*, изданіе котораго вышло въ *Лейпцигѣ* у *Тейбнера* въ 1869 году.

Основанный *Лаберіемъ* и *Сиромъ* новый видъ римской комедіи

продолжалъ существовать во все время римской имперіи, пользуясь общественнымъ вниманіемъ и находя писателей, продолжавшихъ дѣло его основателей. Кто изъ васъ интересуется судьбой мима во время имперіи, того я отсылаю къ упомянутой мною статьѣ *Гризара*, помѣщенной въ *Sitzungsberichte* вѣнской академіи 1854 г. Здѣсь же я долженъ лишь сказать вамъ, что дѣйствіе его на общество было развращающее и по содержанію и по исполненію. Какіе сюжеты служили для него содержаніемъ, съ этимъ всего лучше знакомить насъ Овидій въ своей извѣстной элегіи къ Августу (*Trist.* II), гдѣ онъ старается примѣрами римской литературы оправдать нескромность своихъ произведеній, служившую одной изъ причинъ его изгнанія. Жалуясь на несправедливость къ нему Августа, Овидій говоритъ (ст. 497):

Чтожъ было-бъ, еслибъ я мимы писалъ, гдѣ забава—безстыдство,
Гдѣ сочиняются лишь сцены преступной любви,
Гдѣ выступаютъ предъ нами изысканные прелюбодѣи,
Гдѣ надуваетъ хитро мужа жена дурака?
Взрослая смотритъ на это дѣвица, и мать съ своимъ мужемъ,
Сынъ, и присутствуетъ здѣсь большею частью сенатъ.
Мало того, что нечистая рѣчь оскверняетъ здѣсь уши:
Глазъ привыкаетъ сносить бездну нескромныхъ вещей.
Если любовникъ надулъ какъ-нибудь новымъ способомъ мужа,
Весь рукоплещетъ театръ, пальму поэту даютъ.

Къ нескромному содержанію мимовъ, какъ видно и изъ этого мѣста Овидія, присоединялось крайне нескромное исполненіе, такъ что нѣтъ ничего мудренаго, если серьёзные люди, въ особенности отцы церкви, смотрѣли на мимическія представленія, какъ на настоящую школу разврата и безнравственности. Лактанцій (*Inst. div.* VI, 20) называетъ ихъ *disciplina corruptelarum* и говоритъ, что они подъ видомъ вымышленныхъ картинъ учатъ истинному разврату и спрашиваетъ: »Что должны дѣлать юноши и дѣвицы, когда видятъ, что подобныя вещи совершаются безъ стыда и охотно смотрятся всѣми?«
Донатъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ *Виргилію* выражается прямо на этотъ счетъ (*ad Aen.* V, 64): »Мимы нравятся однимъ безчестнымъ людямъ и развратникамъ; ибо посредствомъ ихъ узнается, какъ совершаются недозволенные вещи (*illicita*)«. Вотъ почему городъ Марсель (*Massilia*, *Μασσαλία*), славившійся въ древности строгостью своихъ нравовъ (*Tac. Agr.* 4), не допускалъ у

себя представленія мимическихъ пьесъ, чтобы, какъ замѣчаетъ Валерій Максимъ (II, 6, 7), привычка смотрѣть на подобныя безстыдства не возбуждала охоты въ подражанію. Но жители Марсели не находили себѣ подражателей въ римской публикѣ, которая издавна привыкла къ самымъ безстыднымъ зрѣлищамъ. Еще въ періодъ республики во время весенняго празднества въ честь Флоры мимическія актрисы сбрасывали съ себя по требованію публики одежду и исполняли неприличныя жесты въ состояніи чистой наготы (Val. Max. II, 10, 8). Само собою разумѣется, что во время имперіи безстыдство такихъ представленій могло только усиливаться. Объ этихъ представленіяхъ во время празднествъ въ честь Флоры (*ludi Florales*) схиляетъ Ювеналъ (*ad Sat. VI, 250*) выражается такъ: *ludi Florales, in quibus meretrices nudatis corporibus per varias artes ludendi discurrunt*. Лактанцій (*Inst. I, 20*) также говоритъ объ *omnis lascivi* съ какою въ его время играютъ мимическія актрисы и замѣчаетъ, что, когда народъ требовалъ этого обнаженія, являлись *meretrices* и совершали нескромныя тѣлодвиженія «до пресыщенія безстыдныхъ глазъ». До какой степени срамоты могла доходить игра на сценѣ мимическихъ актрисъ, объ этомъ можетъ дать понятіе только Прокопій (Anecd. 9 слѣд.), когда онъ рассказываетъ о первоначальной карьерѣ Теодоры, сдѣлавшейся изъ мимической актрисы женой византійскаго императора Юстиніана.